

• большая детская библиотека •

Р. ПОГОДИН

КИРПИЧНЫЕ ОСТРОВА

Повести

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П43

Рисунки на обложке и титуле *Н. Беланова*

Дизайн серии *Н. Сушковой*

Погодин, Радий Петрович.

П43 Кирпичные острова. Повести/ Р. Погодин. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 318, [2] с. — (Большая детская библиотека).
ISBN 978-5-17-160790-6.

Радий Погодин — известный детский писатель. Герои его произведений — обычные мальчишки и девчонки. Таких можно встретить в каждой школе. С ними случаются интересные истории. Кешке, например, однажды подарили белую мышь. Мальчишка был счастлив, только вот мама и соседи не разделили его восторга... А Гришку отправили в дальнюю деревню к дяде Феде. Там не только деревенские ребята и дядины товарищи, но и говорящие воробы, и козёл Розенкранц с непростым характером. Всё для того, чтобы укрепить тело и вырастить душу.

В книгу вошли повести «Кирпичные острова» и «Книжка про Гришку».

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Погодин Р. П., насл., 2024
© Беланов Н. В., ил., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

КИРПИЧНЫЕ ОСТРОВА

КАК Я С НИМ ПОЗНАКОМИЛСЯ

Есть у меня друг — замечательный человек и хороший геолог. Работает он на Севере, в Ленинград приезжает редко, писем совсем не пишет — не любит. От людей я слышал, что семья моего приятеля переехала на другую квартиру. Я поспешил по новому адресу: авось узнаю что-нибудь о товарище, а повезёт, так и его самого увидаю.

Дверь мне открыл мальчишка лет восьми-девяти. Он показался мне немного странным, всё время поёживался, на меня не глядел, прятал глаза. Мальчишка сказал, что друг мой ушёл утром и ещё не приходил. Говорил он, не разжимая рта, сквозь зубы, и очень торопился. Наверное, я оторвал его от интересной игры. Ну, а мне торопиться некуда. Я вошёл в комнату, сел на диван и стал читать книгу. Прочитал страничку, прочитал другую, слышу, за стенкой кто-то запел.

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...*

Поёт человек и пусть себе поёт, если ему весело. Я сам люблю петь. Только я это подумал, как за стеной снова раздалось:

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...

Теперь он пел громче, почти кричал, а на словах «лихие эскадроны» подвывал немного и захлёбывался. Потом запевал опять и опять... и всё про партизан. Я пробовал читать книгу, но у меня ничего не получалось. Певец так завывал, что я не вытерпел, вышел в коридор и постучал в соседнюю дверь. Песня раздалась ещё громче. Я даже удивился, как это можно так петь. Я постучал ещё раз и ещё... Наконец пение прекратилось, за дверью раздалось шмыганье носом и глухой голос сказал:

— Чего?

— Послушайте, не можете ли вы петь потише?

— Ладно, — согласился певец и тут же заорал так громко, что я попятился от двери:

---

* Песня «Марш дальневосточных партизан», слова П. С. Парфёнова и С. Я. Алымова (здесь и далее прим. ред.).

Шли лихие эскадроны
Приамурских партизан...

Потом началось что-то совсем непонятное. «Шли лихи-и... Шли лихи-и... Шли лихи-и...» — выкрикивал певец не своим голосом.

Я совсем растерялся. Может быть, за дверью сумасшедший? И тогда надо звать на помощь докторов, санитаров. Может быть, это очень опасный сумасшедший, и на него нужно надеть смирительную рубашку. Я осторожно приоткрыл дверь и увидел: лежит на оттоманке* тот самый мальчишка, что впустил меня в квартиру, кусает подушку, бьёт ногами по валику и горланит песню. А из глаз его бегут слёзы.

— Чего это ты орёшь? — спросил я.

Мальчишка стиснул зубы, сжал кулаки.

— Ухо болит. — Потом лягнул ногой и снова запел: — Шли лихи-и...

— Вот смешной! — начал было я. — Ухо болит, а ты поёшь. — Но мальчишка посмотрел на меня такими глазами, что я прикусил губу. Я догадался.

Когда я был солдатом, у меня тоже однажды заболело ухо ночью в казарме. Плакать солдатам нельзя ни за что. Я ворочался

---

* Оттомáнка — широкий и низкий мягкий диван без спинки и подлокотников.

с боку на бок, так же вот грыз подушку и сам не заметил, как раздвинул прутья на спинке кровати и сунул между ними голову. Потом боль утихла, и я уснул. А когда проснулся, то не мог встать, не мог вытянуть обратно голову. Пришлось двум солдатам разжимать прутья, а ночью я разжал их один. Вот какая была боль.

Я с уважением глянул на мальчишку, а он на меня — залитым слезой глазом. Он молчал, и ему это было очень трудно.

Я бросился звонить по телефону в поликлинику. Меня долго расспрашивали, что болит, у кого болит... Наконец сказали: «Будет доктор».

Я ходил по комнате, и, как только за стеной раздавалось про партизан, я начинал подпевать. Вот так мы пели: он в одной комнате, я — в другой.

Скоро приехал врач — молоденькая чернобровая девушка в белом халате. Она сразу спросила:

— Где больной?..

Я показал на мальчишкину дверь. А он там снова загорланил про своих партизан.

— Как вам не стыдно обманывать? — рассердилась девушка доктор. — Какой же это больной, если он песни распевает таким диким образом?

— Доктор, это настоящий больной, это такой больной... — И я рассказал всё как

есть. Девушка вошла в комнату к мальчишке и твёрдым голосом сказала:

— Смирно!.. Прекратить пение!

Мальчишка затих, сел на оттоманке. Сидеть смирно ему было трудно, у него всё время дёргались ноги.

Девушка-доктор налила ему в ухо пахучей жёлтой камфары, обложила ухо ватой и завязала бинтом. А меня заставила вскипятить воду для грелки.

Пока мы возились, мальчишка молчал, только губы у него шевелились: он потихоньку — про себя — пел свою песню.

Девушка доктор скоро ушла к себе в поликлинику. Больной уснул. А я сидел в комнате рядом, ждал своего друга и думал: «Что это за мальчишка, который умеет петь в такие минуты, когда взрослые и те подчас плачут?..»

Позже я узнал, что имя у него очень весёлое — Кешка, и слышал много всяких рассказов о нём и его товарищах.

Вот они.

КТО НАГРЕЛ МОРЕ

Когда Кешка был совсем маленьким, он ездил с мамой далеко на Чёрное море, в Крым.

Кешкина мама работала на заводе и училась в вечернем институте. На заводе ей дали путёвку, чтобы отдохнула как следует, загорела. Мама решила взять Кешку с собой. Все ленинградские знакомые говорили: «Чёрное море не такое, как наше — Балтийское. Оно громадное и очень тёплое». Ещё они говорили, что по Чёрному морю проходит государственная граница с Болгарией, Румынией и Турцией... Кешка был страшно горд оттого, что всё это увидит своими глазами.

Приехал Кешка в Крым поздно вечером и едва дотерпел до утра — так ему хотелось увидеть Чёрное море.

Рано утром мама велела Кешке надеть сандалии, и они отправились на пляж.

Море действительно было очень большое. По краям густо-синее, а посередине сверкало золотым, розовым и серебряным. Кешка сразу захотел купаться. Он скинул сандалии, майку и даже трусики. Но мама сказала:

— Подожди, нужно воду попробовать. — Она немного походила по краешку моря, у самого берега, и покачала головой. — Холодная вода, Кешка. Купаться ещё нельзя.

Кешка тоже попробовал воду ногой. Конечно, мама немного преувеличивала,

но вода всё-таки холодная. Зато круглые камушки, которыми усыпан весь пляж, были тёплые. Эти камушки назывались смешно: галька.

Солнце висело ещё низко, там, где море с небом сходится, у горизонта. Но мама разделась, постелила свой халат и предложила Кешке:

— Ложись загорай, утром загар самый лучший.

Кешка лежать не захотел. Он ходил по пляжу и всё смотрел на море. Хотел увидеть болгарскую, румынскую и турецкую границы. Но так ничего и не увидел, кроме белых ленивых чаек. Мама скоро уснула, а Кешка принялся собирать гальку. Камушки были очень красивые и все, как один, тёплые.

«А что, — подумал Кешка, — если эти камушки побросать в море, оно нагреется, и тогда можно будет купаться». Он пошёл к берегу и бросил в море камень. Потом ещё и ещё.

На пляже стал собираться народ, все смотрели на Кешку и думали, что он просто балуется — пускает блинчики. А Кешка никому не говорил, какое он делает нужное дело.

Солнышко поднималось всё выше. Камушки становились всё горячее. А Кешка кидал и кидал их в воду один за другим.

Маленькие волны, которые тоже смешно назывались — «барашки», — закатывались на берег и тихо, одобрительно шуршали: «Пррравильно, малышшш-ш...»

Потом проснулась мама, посмотрела на солнышко, подошла к воде.

— Ну вот, — сказала она, — теперь вода в самый раз, можно купаться... Солнышко постаралось.

Кешка засмеялся, но спорить с мамой не стал. Мама спала и, конечно, не видела, кто нагрел море. Можно ведь ей ошибиться.

НЕПРИЯТНОСТЕЙ НЕ ОБЕРЁШЬСЯ

Утром Кешку разбудили мамины холодные руки. Кешка ёжился, залезал поглубже под одеяло. Но руки настигли его и там.

Мама приговаривала:

— Вставай, соня, зима!.. Белые мухи прилетели.

Кешка высунул голову из-под одеяла.

— Обманываешь, белых мух не бывает.

Мама повернула его голову к окну, и он увидел, что за стеклом медленно летят белые хлопья. Они кружатся, обгоняют друг друга, садятся на голые ветки большой липы.

Кешка в одних трусах побежал к окну. Улица белым-бела. И трамваи, и автобусы, и «Победы», и ЗИМы — все в белых накидках. У прохожих, которые остановились почитать газету, появились на плечах пушистые белые воротники.

— Снег! — закричал Кешка. А мама засмеялась.

* * *

Было воскресенье, и Кешка сразу же после завтрака помчался во двор повидать Мишку, главного своего друга, который учился на два класса старше. И ещё надо было поговорить с Круглым Толиком, но... Первой, кого Кешка встретил во дворе, оказалась Людмилка. По правде сказать, Кешка не очень-то хотел с ней встречаться. Она вечно дразнилась: «Кешка-Головешка...» А попробуй за ней погнаться — пулей влетит в свою парадную и заорёт на весь дом: «Маа-мааа!»

В другой день Кешка прошёл бы мимо Людмилки, не стал бы с ней даже разговаривать. Он так и хотел сделать, но язык сам по себе взял и сказал:

— Людмилка, я всё про снег знаю! Что!..

— Я тоже знаю, — ответила Людмилка и поймала на варежку большую снежинку. — Снег — это такие звёздочки.